

он знает и понимает больше, чем сельский учитель или священник, и даже больше, чем ученые евреи. И ей он всегда приносит книги, где рассказывается о прекрасных, смелых и умных людях, которые оказывались в ситуациях посложнее нашей, но всегда находили какой-то выход. Они бы и не подумали слушаться братьев, которые сами ничего не знают, а решали бы сами, с кем им разговаривать и гулять. Впрочем, не только нашим братьям, но и старшим братьям Ивана не нравилась его дружба с Рохл. Они бранили и высмеивали его за то, что он связался с еврейкой. Его они называли «фертиком» и «Иваном-жиденком», а он на них даже не обижался и говорил только, что они — как сыновья Арона и нужно просто набраться терпения, потому что когда-нибудь они и сами все поймут, раскаются в своем дурном поведении и будут просить у него, младшего брата, прощения.

Стало быть, две наши семьи связывало уже три большие дружбы: нашего отца и Юза, нашей мамы и Юзики, нашей сестры и студента Ивана.

Но была между нашими семьями и еще одна, очень важная дружба.

Был в семье Федоркиных слабоумный мальчишка, которого все звали Благодарение-Богу. Лет четырнадцати от роду, он был широкоплечим, коренастым, с непропорционально большим девичьим лицом и выпученными стеклянными глазами. Когда его о чем-то спрашивали, он всегда улыбался, что-то бормотал, а потом преданно смотрел в глаза и говорил: «Благодарение Богу, благодарение Богу, благодарение Богу». Некоторым злым и глупым

людям это давало повод для разных шуток. Они, к примеру, спрашивали: «Неужто ты и в самом деле скоро женишься на сельском священнике?» А в ответ только: «Благодарение Богу, благодарение Богу». «Неужто твой отец скоро помрет?» А он: «Благодарение Богу, благодарение Богу». «Правда, что твои братья забудут тебя на Пасху?» А он, как всегда, преданно глядя своими телячьими глазами и дружелюбно улыбаясь: «Благодарение Богу, благодарение Богу, благодарение Богу».

Подшучивали над ним только тогда, когда поблизости не было никого из Федоркивых, потому что братьев Федоркивых все боялись. Однажды они услышали, как сын старосты дразнил Благодарение-Богу, и избили его до полусмерти.

Мать, отец и братья Федоркивы очень любили Благодарение-Богу и всегда подкармливали его, а он все ел, ел и постепенно стал толстым, как откормленный поросенок.

В нашей семье был мальчик одного возраста с Благодарением-Богу, его молочный брат. В детстве он упал вниз головой с яблони, потерял речь и слух и с тех пор с одной стороны рос быстрее, чем с другой. Прошло несколько лет, и одно плечо у него было ниже другого, одна рука короче другой, и даже одна половина лица была меньше, чем другая. Как-то само собой получилось так, что он не участвовал в наших играх, несмотря на напоминания отца всегда брать его с собой. Характер у него сделался невеселым. Он смотрел на всех своими большими карими глазами, словно нищий, и все его жалели. Так его и прозвали: Рахмонесл, что озна-

чает «сострадание». И без какого-либо содействия со стороны вышло так, что Благодарение-Богу и Рахмонесл стали неразлучными друзьями. Где бы они ни находились, они всегда были вместе. Они могли часами сидеть и молчать, словно две лошади, а потом вдруг обнимались, начинали дурачиться, валяться по земле, иногда даже смеяться, а потом снова успокаивались и подолгу сидели молча. Друг с другом они делились всем, что имели, и иногда Рахмонесл приходил домой в рубашке Благодарения-Богу или Благодарение-Богу возвращался домой в курточке Рахмонесла. Время от времени их можно было видеть в хлеву или на навозной куче рядом со скотиной. Иногда они поколачивали друг друга, но по-своему, с остановками: один пинал другого, тот хватался за больное место, ждал какое-то время, а потом наносил ответный удар. Бывало, что они кусали друг друга за руку, ухо или нос, но не по злобе, а скорее из любопытства, потому что лица их при этом всегда оставались добрыми. Но самой любимой их забавой было стоять на краю колодца и смотреть на свое отражение, строить рожи, смеяться и плевать в колодец — плевать им очень нравилось.

Выходило, что две наши семьи были крепко связаны четырьмя дружбами: между старшими мужчинами, которые уже двадцать лет вели один и тот же разговор; между двумя женщинами, которые на протяжении тех же двадцати лет рожали детей и помогали друг другу их растить, так что у каждого ребенка было по две матери и по две кормилицы; между студентом Иваном и сестрой Рохл и между Благодарением-Богу и Рахмонеслом. Младшие дети

всегда беспрепятственно играли во дворе у нас и у Федоркивых, делились друг с другом едой и говорили на одном языке.

Однако между взрослыми детьми наших семей, где-то с восемнадцати до тридцати лет, отношения были натянутыми. Нельзя сказать, чтобы они были врагами, но всегда присутствовали какие-то разногласия, всегда достаточно было искры, чтобы пороховая бочка взорвалась. По воскресеньям и в праздники все парни обычно собирались в трактире: сначала мирно шутили, потом кто-то ненароком отпускал бранное словечко, кто-то хвалился силой, кто-то подначивал. Потом уже мерялись мускулами и боролись друг с другом — поначалу в шутку, но вот уже кого-то ударили кулаком, кого-то схватили за чуб — и начиналась настоящая драка. Поначалу не в полную силу, со смехом, но потом становилось все жарче и жарче, в дело шли кружки и бутылки, стулья и лампы, подсвечники и ножки столов. Наконец вся эта куча-мала вываливалась на улицу, привлекая внимание зевак и увеличиваясь в размерах, словно снежный ком. Дрались стенка на стенку, лилась кровь, визжали бабы.

Староста всегда появлялся лишь по прошествии часа, когда наиболее благоразумные уже начинали успокаиваться и договариваться друг с другом. Заключалось перемирие, и вскоре все снова оказывались в трактире: мирились, пили водку и пиво, со знанием дела обсуждали захваты и удары и с гордостью демонстрировали ссадины, порезы, раны, царапины и синяки. И снова все от души радовались друг другу, напивались и расставались друзьями —

и оставались ими до тех пор, пока в один из воскресных или праздничных дней все не повторялось в точности так, как это было сегодня.

7

В пятницу в маленькую деревянную церковь набилось столько народу, что яблоку было негде упасть, а маленький круглый священник с низким лбом и жесткими, как щетка, волосами все говорил и говорил. Все знали, что вчера он был в гостях у помещика, ел там и пил, а домой вернулся с подарками. И сам он уже рассказывал прихожанам, что услышал в гостях, а именно что еврей Юнгерман, банкир, хочет арестовать помещичье имущество, а все евреи в пятницу вечером едят белую булку, рыбу и сливовый компот. Ну и конечно, что именно евреи распяли Спасителя! И несмотря на все это, среди прихожан находятся люди, которые живут с ними в дружбе, кормят грудью их детей и путаются с их бабами.

Он не назвал Федоркивых по имени, но все и так знали, о ком речь. Сыновья Федоркива тоже были в маленькой церкви. Они вполуха слушали подстрекательства священника и уже подумывали о рукопашном бое, которым наверняка завершится сегодняшний день.

Для нас, детворы, этот день был настоящим праздником. Лед на замерзшем и очищенном от снега ручье был гладким, как стекло. Вместе с нами пришел кататься и наш Рахмонесл, но как только

появилась орава Федоркивых, Благодарение-Богу сразу же от них отделился, и никто и не заметил, как Рахмонесл ушел вместе с ним. Сначала они играли в снегу, а потом прятались в нашем хлеву, где было тепло и можно было с головой зарыться в солому. Перед корчмой кипела жизнь: люди возвращались домой из церкви, и многие заходили пропустить по стаканчику. Народ победнее ждал снаружи, пока их пригласят выпить более состоятельные односельчане. Бабы стояли кучками поодаль. Кто-то уже успел купить бутылку, и стакан пошел по кругу: по старому обычаю люди пили и целовали друг другу руки, дружелюбно разговаривали и с каждым новым стаканом становились все добрее и ласковее.

Иван Федоркив сидел у нас в комнате и вел очень серьезный разговор с отцом и Рохл. Он убеждал отца задержать сегодня старших братьев дома, чтобы те не поддались на провокации, неизбежные после проповеди священника. Потом Иван отправился к себе домой и поговорил со своим отцом. Наконец домой вернулись сыновья Федоркивы, уже под хмельком, и старший сын Андрей спросил отца, как тому понравилась сегодняшняя проповедь. Старый Федоркив открыл Библию и прочел сыновьям, что сказал Господь Бог: «Возлюби ближнего своего как самого себя», — а священник сегодня говорил только о ненависти и не сказал ни одного слова о любви и прощении. Но тут уже стали накрывать на стол, и большая бутылка пошла по кругу.

В это время в нашем хлеву сцепились Рахмонесл и Благодарение-Богу. Они царапались, катались по

солومه, кричали и громко смеялись, пока их не услышали и не разняли. Рахмонесла отвели домой, он залез на печку и лежал там, посмеиваясь. Вернулся домой и Благодарение-Богу — исцарапанный, с кровью под носом. Андрей привел его к отцу и сказал: «Смотрите, отец, как евреи любят своих соседей. Ну, ничего, мы сегодня с ними поквитаемся». Остальные братья уже притащили в дом палки и начали выстругивать себе дубинки, но старый Федоркив взял одну такую палку и с такой силой треснул ею по столу, что только щепки полетели, и несколько секунд все смотрели на него, не говоря ни слова. Тогда студент Иван сказал то ли братьям, то ли отцу: «Помещик не может сторговаться с банкиром, а они из-за этого хотят биться насмерть с сыновьями Арона». «Это тебе твоя жидовка нашептала?» — спросил Андрей. «Нет, — ответил за сына старый Федоркив, — это нам сегодня священник сказал». И сыновья один за другим вышли из комнаты и отправились в трактир, где уже собралось полно народу, а хозяин зажег лампу, потому что уже смеркалось. Старый Федоркив и студент Иван пошли к Арону. Арон заварил чай, и все молча сидели за столом и пили из своих чашек. Наконец заговорил Иван. Он убеждал Ароновых сыновей не поддаваться на провокации — хотя бы сегодня, потому что сегодня все село только и ждет повода, чтобы наброситься на них. Сестра Рохл восхищенно слушала умные речи своего друга, и глаза ее горели. Братья же ничего не видели, кроме этих восхищенных глаз, и не слушали, что говорит им Иван. Авром вдруг встал со своего места, подошел вплотную к Ивану

и сказал: «Спокойной ночи, Иван!» Тут уже Ивану пришлось встать. Он ушел, и в комнате повисло неловкое молчание. Рахл накинула на плечи пальто и побежала за Иваном. Через какое-то время и Рахмонесл спустился с печки и пошел за своей сестрой, которую очень любил. Старый Арон зажег лампы, и все вдруг увидели, что наступила ночь.

За окном ветер гнал облака мимо луны, а Рахмонеслу казалось, что это луна так быстро проплывает по ночному небу. Он уже забыл про сестру, за которой выбежал из дома и которая сейчас шла вместе с Иваном к тополиной аллее.

Рахмонесл стоял у дома и смотрел на летящую луну.

В трактире был дым коромыслом. Один из друзей Федоркивых, тот, что всегда пил за чужой счет, снял с себя тулуп, вывернул его мехом наружу и стал ползать по комнате на четвереньках и то лаять, как собака, то рычать, как медведь. Все вокруг покатывались со смеху. Наконец и другие опустились на четвереньки, и вот уже казалось, будто в трактире не осталось никого, кроме медведей, волков и собак. Рев стоял невообразимый. Вдруг кто-то предложил спрятаться под окнами еврейского дома и подшутить над Ароновой семьей. Выпив для храбрости еще по стаканчику, вся толпа с лаем и воем выползла из трактира.

Когда они подошли к дому Арона, Рахмонесл все еще стоял у стены и играл с лунным лучом. Увидев рычащую и лающую толпу, он в ужасе бросился прочь, а те даже и не поняли, кто от них убегает. Они бросились за ним. Рахмонесл добежал до ко-

лодца и, не зная, куда деться, стал бегать вокруг него. А толпа все приближалась с пьяным хохотом и рычанием. Он остановился, остановились и бежавшие за ним звери. Его бедное больное сердце бешено колотилось, и вдруг он увидел, что и луна несется за ним, и попробовал бежать в другую сторону. Преследовавшие его звери тоже побежали в другую сторону. Теперь они бегали вокруг колодца, да так быстро, что не видели, кого преследуют. Рахмонесл снова развернулся и побежал. Его охватило отчаяние, а преследователей эта погоня только еще больше забавляла. Так они несколько раз обежали вокруг колодца, то в одну сторону, то в другую, то в одну, то в другую.

Вдруг Рахмонесл ухватился за край колодца и увидел внизу еще одну луну. Внизу луна, наверху луна, а с двух сторон — звери. Тогда он закрыл глаза, луна, звери и колодец закружились в его больной голове, и он бросился в воду.

Вокруг колодца прыгали и ползали на четвереньках братья Федоркивы. Спустя какое-то время они заметили, что тот, за кем они гнались, исчез. Они не знали ни куда он пропал, ни кто это был.

На шум из дома вышли Арон и Юз. Старый Федоркив только и сказал: «Вот они какие, мои взрослые сыновья». Те встали, немного пристыженные, смущенные, но никто из них не видел, как маленькие, тонкие ручки пытались ухватиться за скользкие, замшелые камни колодца и все соскальзывали и соскальзывали.

Старый Федоркив пошел домой, вернулись домой и его сыновья. Иван проводил Рохл. Все были

рады оказаться в теплой комнате, а если бы кто-нибудь в эту минуту заглянул в колодец, то услышал бы последний всхлип воды и увидел бы последние круги, расходящиеся, будто после брошенного камня. Потом и вода успокоилась, поглотив жертву.

8

На следующее утро кто-то из соседей пошел за водой и увидел в колодце Рахмонесла, который теперь уже был утопленником. Все село вдруг проснулось — и замерло. Лица у всех будто окаменели. В нашей комнате на разостланной на полу соломе лежало нечто.

Нас, малышей, отправили к дяде Лейзеру. Никто с нами не говорил, но как на нас смотрели! Это были такие серьезные и грустные взгляды, что у нас слезы текли ручьями. Мы забились в угол в комнате дяди Лейзера, сидели там и всхлипывали, всеми силами пытаясь удержать рыдания. В сердце мы чувствовали словно пустую яму — оттуда и поднимались наши всхлипывания.

Недалеко от села, по дороге в город был небольшой участок луга, огороженный забором, — еврейское кладбище. Пока там были похоронены всего двое: старый отец дяди Лейзера и Сайка Розум. Теперь рядом с могилой Сайки рыли новую яму — для Рахмонесла.

Ближе к обеду нам сказали, что мы можем проститься с братом. Четверо самых старших из евреев подняли носилки с телом и пронесли их до поло-

вины пути. Дальше их понес отец с тремя старшими братьями. Две женщины вели под руки нашу маленькую маму, которая сегодня не произнесла ни слова и не проронила ни слезинки. Никто не плакал, только малыши стучали зубами.

Едва Рахмонесла, закутанного в белый саван, опустили в могилу, мама вдруг прошептала сопровождавшим ее женщинам: «Смотрите, как быстро все закончилось, как быстро, как быстро». Отец первым бросил горсть земли на тело Рахмонесла, а после все подходили к могиле и бросали пригоршнями землю. Отец начал было читать погребальный кадиш: *«Йисгадад взйискадаш шмэй рабо...»** Но уже после первой фразы прервал себя на полуслове и сказал просто, словно в комнате за чаем: «Сын мой, — сказал он, — не по правилам это, чтобы отец читал кадиш по своему сыну. Ты должен был бы читать кадиш по мне». Молитву так никто и не дочитал до конца, потому что теперь все начали громко рыдать и всхлипывать, и все прежнее молчание вылилось в слезы и причитания.

Мужики и бабы стояли кучками у домов и разговаривали, как вдруг мимо пробежал круглый, толстый Благодарение-Богу: он задыхался, останавливался, смотрел по сторонам и как будто кого-то искал.

Вот он приблизился к одной кучке. Какая-то женщина заплакала и сказала ему: «Бедный мальчик, потерял ты своего лучшего друга». А он в ответ только: «Благодарение Богу», — и убежал прочь.

---

* Да возвысится и освятится Его великое имя (древнеевр.).

Однако скоро он снова прибежал неизвестно откуда и на этот раз пошел напрямиком к колодецу, заглянул внутрь, увидел свое отражение в воде и стал бросать в него большие куски хлеба. Он бросал хлеб в воду, время от времени откусывая от него, смотрел в колодец, улыбался и повторял: «Благодарение Богу, благодарение Богу».

Жена старого Федоркива позвала сыновей, и те увели брата и начали заколачивать колодец досками. Один из них объяснил Благодарению-Богу, что его друг больше не живет в колодце, а живет на маленьком кладбище, там, где лежат два камня.

И Благодарение-Богу снова побежал домой, взял соль и хлеб и побежал дальше.

Когда он прибежал на поле, евреи со своими детьми уже шли с похорон домой, и теперь он точно знал, что и они навещали его друга в его новом жилище. Пробегая мимо, он успел им показать, что взял для друга хлеб и соль. Но никто, даже дети, не обратил на него внимания. Когда он пришел на кладбище, дядя Лейзер как раз заканчивал засыпать могилу. Он взглянул на Благодарение-Богу и сказал: «Вот, Благодарение-Богу, теперь это его дом на веки вечные, здесь он будет жить и переживет всех нас». Сказал и пошел прочь.

А Благодарение-Богу опустил на могилу друга, достал из мешка хлеб и соль, поставил на холм и стал ждать, когда Рахмонесл высунет руку и заберет гостинец в свой новый дом.

Но ничего такого не произошло, и тогда Благодарение-Богу сам закопал хлеб и соль в могилу и стал ждать ответа...

Когда один из Ароновых сыновей увидел заколоченный колодец, он взял молоток и клещи и стал отдирать доски. Вокруг колодца стояли его братья и братья Федоркивы. Сыновья Арона отдирали доски, а Федоркивы их снова приколачивали, и, не смотря на грусть и усталость, скоро они уже стали хватать друг друга за руки, пинать в бок и толкать. В другое время это вылилось бы в настоящую драку, но сегодня их потасовка напоминала трапезу сытых людей, которые ели через силу. Ничего у них толком не выходило. Вдруг они заметили вдалеке Рохл и Ивана Федоркива, и, когда те подошли ближе, Андрей сказал: «Да это же мой любимый ученый брат, который скоро, наверное, будет ходить с вами по пятницам *давенен**». «И наша любимая сестра, которая скоро принесет в вашу семью парочку маленьких Иванов», — сказал Авром. Услышав это, Рохл заплакала, а всегда спокойный Иван ударил Аврома кулаком в лицо. Тогда Андрей встал между Авромом и Иваном и сказал: «Предоставь уж это мне. Вон из села, Иван-жиденок!» А Авром повернулся к сестре и сказал: «И ты с ним отправляйся, гойская шлюха!»

И внезапно вся ненависть и вся боль Ароновых и Федоркивых обратилась против этих двоих. К колодцу подошли соседи, и высокая толстая баба Варвара, Андреева жена, вдруг завопила: «Мы — христиане, Ароновы — евреи, а эти двое ни рыба ни мясо. Они и виноваты во всем, что произошло. Гнать их из села!» И началась настоящая травля по улицам

---

* Молиться (*идиш*).

и огородам. Снег все усиливался, сгущались сумерки, а жители села все гнались за Рохл и Иваном.

А на могиле Рахмонесла в это время, дрожа от холода, сидел Благодарение-Богу. Он снова выкопал из земли хлеб и соль и сейчас чувствовал всем телом: моему другу холодно, так холодно, что он даже не может взять в свой новый дом хлеб и соль. Тебе холодно, мой бедный друг, как же тебе, должно быть, холодно. И тогда он снял свой тулуп и заботливо закутал в него со всех сторон могилу Рахмонесла. Сам он мерз, но улыбался, а снег падал на него густыми хлопьями. Он закрыл глаза и думал про себя: «Благодарение Богу, благодарение Богу, благодарение Богу, моему другу теперь, наверное, не так холодно, как мне, благодарение Богу, благодарение Богу...» И он заснул...

Рохл и Ивана прогнали из села, и обе враждующие партии теперь были довольны. Все гурьбой отправились в трактир, чтобы отметить очередной свой подвиг. А Рохл с Иваном думали, что они — как герои той книжки, что читали вместе, только не умеют так красиво говорить. Они так устали, что могли только плакать, и Рохл сказала: «Я хочу в последний раз увидеть могилу Рахмонесла, а потом мы пойдем в город». Они пошли к могиле и увидели на ней непонятно что, занесенное снегом. Подойдя поближе, они поняли, что это Благодарение-Богу, замерзший на могиле своего друга. Иван взвалил замерзшего брата на спину и отнес его домой. Была уже полночь, но братья еще не вернулись из трактира. Старик Федоркив велел сыну запрячь сани и ехать вместе с Рохл в город. И снова все село неужи-

данно проснулось — и замерло, а на следующий день хоронили уже Благодарение-Богу. Священника не позвали, потому что старый Федоркив сказал: «Благодарение-Богу никогда не читал Библию и не слушал проповеди нашего священника. Но он любил своего друга такой нежной и преданной любовью, что она наверняка придется по душе Отцу всего сущего, хотя священнику этого никогда не понять».

9

Через наше село протекал ручей. Летом мы, дети, в нем купались, а зимой катались по льду. Мой молочный брат Никола утверждал, что ночью, когда все мы спим, когда спят лошади, коровы, овцы и все птицы, а на небе кто-то зажигает миллионы свечей, наш ручей тоже не бежит, а отдыхает от дневной суеты.

Нам очень хотелось увидеть, как ручей ложится спать, но как бы долго мы ни ждали вечером и как бы рано ни вставали утром, он никогда не стоял на месте.

Не стояли на месте и мы. Каждый год в нашей семье появлялся еще один маленький едок. И сегодня, в один из дней траура по Рахмонеслу, когда все взрослые евреи собрались у нас дома на поминальную молитву, отец говорил с ними и со старшим братом о наших общих заботах: «Дети подрастают... Настали тяжелые времена... Одного учителя уже не хватает... В городе есть хотя бы хедер и школы...»